УДК 323

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ В РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В.П. Плосконосова

Сибирская автомобильно-дорожная академия, г. Омск
Тел.: (381-2) 653-354

Рассматриваются методологические основы исследования правящей элиты.

Траектория развития общества складывается в результате сложного взаимодействия элитных и неэлитных групп, формирующегося в рамках конкретно-исторических условий. Общепринятые способы, которые используются для познания траектории развития современного общества, в значительной степени обусловлены и ограничены социально-экономическим и политическим контекстом их формирования в XIX – начале XX веков, но они во многом сохраняют свои позиции и в настоящее время. XIX век был ключевым в развитии теории элит, появление первых ее элементов можно отнести и к более раннему периоду, но только в XX веке эта теория получает наибольшее признание. Вместе с тем на протяжении всего нынешнего столетия теория элит продолжает сохранять определенный отпечаток той интеллектуальной ситуации, в которой складывались ее общие контуры.

Выявление роли и функций элит в реконструкции социальной реальности предполагает рассмотрение связи ее поведения с системой детерминат, определяющих жизнеспособность общества, логику изменения его устройства и эволюцию форм его взаимодействия с элитой, окружающей средой. Социальная детерминация, выражая систему причинно-следственных связей, выступающих в различных видах (необходимость и случайность, форма и содержание, эндогенные и экзогенные причинные факторы и т.д.), реализуется только через творческую деятельность людей и их различных агрегированных образований.

В лапласовской картине одновариантного, линейного мира социальный процесс развертывается от прошлого к единственно возможному будущему. Традиционные концепции жестокого детерминизма упрощают социальное развитие, роль политической власти и духовно-нравственных факторов. Неопределенность, нелинейность, сложность, непредсказуемость характера событий – эти понятия указывают на ограниченность концепций новоевропейского рационализма. Они характеризуют свободу действий властных субъектов, несовместимую с механизмом детерминации лапласовского типа.

Формирование реалистичных моделей динамичного социального мира, выявление роли элитных и неэлитных групп, их лидеров в реконструкции социального бытия требуют пересмотра классических концепций жесткого детерминизма, но не за счет отказа от идей социальной детерминации, а на основе формирования социальных конструкций с гибкими детерминистскими связями исходя из многомерности и неопределенности вариантов действий социальных субъектов и траекторий развития общества.

Классическая методология ограничивала изучение власти государственными институтами, так как в центре ее исследований были жесткие структуры. Работы М. Фуко и Н. Элинса способствовали формированию представлений о том, что власть распространена по всему социальному пространству, концентрируясь различным образом в отдельных его центрах. По М. Фуко, власть есть "множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации"; важно "пони-

мать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система ...". "Власть приходит снизу, это значит, что в основании отношений власти в качестве всеобщей матрицы не существует никакой бинарной и глобальной оппозиции между господствующими и теми, над кем господствуют ..." [1].

В начале XX века начинает формироваться новый образ социальной реальности, отличный от классического. Характерной его особенностью выступает рассмотрение социальной ткани сквозь призму отдельного человека, критика концепций, связанных с акцентированием внимания на приоритетах общества как целого перед отдельной личностью. К. Поппер в известной работе "Открытое общество и его враги" [2] уделил значительное внимание тому обстоятельству, что традиционный способ мышления, характерный для классической мысли и родоначальниками которого были Платон и Аристотель, основан на непонимании сложности взаимосвязи личности и общества. Он показал, что холизм является подходом, свойственным тоталитарному способу мышления, способствующему возникновению тоталитарных тенденций в построении социальной стратификации и социальной системы.

В связи с этим возникла настоятельная необходимость решительного пересмотра целого ряда общепринятых представлений о взаимосвязи человека и общества, элиты и макросоциальных групп, сложившихся еще в эпоху Античности и получивших дальнейшее развитие в эпоху Просвещения. Социальная наука все более осознавала неправомерность как требования подчинения личности общественному целому, так и возвеличивания общества в ущерб личности. Ортега-и-Гассет отмечает, что такое возвеличивание было присуще многим мыслителям, несмотря на различия в их мировоззрении: "Коллективной душе ..., а также общественному сознанию приписывались самые возвышенные, чудодейственные, а иногда даже и божественные качества. Для Дюркгейма истинный Бог – общество. С точки зрения католика де Бональда, протестанта Гегеля, материалиста Маркса, коллективная душа – это нечто неизмеримо более высокое, неизмеримо более человеческое, чем человек. В частности, более мудрое" [3].

В формировании социальных действий участвуют микро- и макросреда, культурные традиции, духовное производство. Всякая цивилизация так или иначе реализует принцип универсальности, связанный с гуманистическими установками культурного и организационного порядков. Вместе с тем в ней складываются различия в формах распределения труда, в социальной иерархии и статусах, формируются различные модели социального порядка и активности социальных групп, определяющие особенности социальной динамики. Возникновение в духовно-ценностном пространстве новых социальных, политических и экономических измерений человеческого бытия, в которых снимаются противоречия между равенством и иерархией, свободой и порядком, позволяет социальным группам использовать их в своей протестной деятельности и добиваться изменения устройства общества. Но при этом надо учесть, что элите принадлежит важная роль в выборе модели цивилизационного развития, формировании типа культуры, традиций, отношения общества к тем или иным идеям, концепциям, течениям, воззрениям и т.д. Так, в настоящее время формирование либерального подхода к интерпретации взаимосвязей и динамики социально-политических переменных происходит под значительным влиянием идей о приоритетах формальных экономических законов. Культурно-политический контекст той или иной страны рассматривается как "довесок", который приводит к отклонениям от некой универсальности. При этом указывается, что особенности истории государства, культуры и политики несомненно сказываются на проявлениях "формальных" экономических законах, но начинать преобразования надо не с выбора национальной модели, а с "одних и тех же правовых и экономических реформ" [4], поскольку институты являются более важными для экономического развития, нежели культура [5].

Абсолютизация свойств целерационального принципа поведения людей способствовала появлению концепции экономического империализма. Один из ее основоположников Г.С. Беккер утверждает, что экономический подход уникален по своей мощи и способности интегрировать разнообразные формы человеческой деятельности, дает целостную и унифицированную схему для понимания человеческого поведения, именно он является всеобъемлющим, хотя некоторые важные понятия и приемы разрабатываются и другими дисциплинами [6]. Отталкиваясь от идей А. Смита и И. Бентама, Г.С. Беккер указывает, что экономический подход предполагает максимилизирующее поведение в более явной форме и более широком диапазоне, чем другие подходы, так что речь идет о максимилизации функции полезности или богатства все равно кем – семьей, фирмой, профсоюзом или правительственным учреждением [6]. Предположения о максимилизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений образуют сердцевину концепции экономического империализма.

Выход из кризиса традиционных доктрин многими исследователями видится в создании новой концепции, которая может объединить экономические и духовно-нравственные компоненты. Так, например, М. Бюшер отмечает, что проблемы экономической этики затрагивают самую суть экономических построений. Он обращает внимание на то, что сегодня все очевиднее становится актуальность обращения к тезису Шмоллера: ни одно экономическое явление не может быть исследовано и понято без учета географических, культурных, со-

циальных, политических и этических факторов. "Без нравственности нельзя прибить и гвоздя к стене", – вот одна из фраз, приписываемых Шмоллеру" [7].

Встречающиеся в литературе попытки априорного распределения культур разных народов на лучшие и худшие с точки зрения их влияния на экономическую и социальную динамику не могут не вызывать сомнения. В настоящее время часто для объяснения хозяйственных успехов и неудач привлекается подход М. Вебера, который выделяет несколько типов обществ, отличающихся различной способностью к экономическому развитию [8].

Связывая основы протестантства с прогрессом на Западе, М. Вебер полагал, что динамичному капиталистическому типу общества не может соответствовать азиатская культура, ему соответствуют идеи реформации, протестантская этика, основанная на трудолюбии, аскетизме; он связывал путь развития общества с социальными и религиозными основами данного общества. М. Вебер, отмечая разную способность разных народов развивать экономику, не учитывает то, что и разные народы по-разному воспринимают суть экономического роста и пути его достижения. Однако многие страны с азиатской культурой добились экономического взлета – это Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Гонконг, не говоря о Японии. Еще в древние времена такие азиатские страны, как Китай, Индия и Япония, имели высокий уровень валового внутреннего продукта на душу населения. Ханьский Китай к началу нашей эры по уровню развития, возможно, не отставал, а даже несколько опережал Римскую империю эпохи раннего принципата. В 1000 г. н.э. наиболее высокий доход на душу населения продолжал оставаться в Китае, и лишь к 1600 г. страны Западной Европы вышли в лидеры; решительный отрыв произошел к 1800 г. [9].

Происходящие в XX в. глубокие перемены в обществе сопровождались и радикальным изменением власти. Разрывы нравственных связей между людьми, безразличие к судьбам других и "атомизация" общества, складывающиеся в условиях свободных институтов, способствовали появлению новой формы правления, устранению классических форм принуждения и угнетения. Люди стали замыкаться на своих частных интересах и утрачивать стремление и навыки к осуществлению коллективных усилий для обеспечения собственных прав. Возникает инструментализация механизмов властвования правящих элит, т.е. их превращение в средство манипуляции людьми для достижения собственных целей.

Анализируя связь поведения и ценностных ориентаций людей с институциональным устройством общества, А. Токвиль одним из первых обратил внимание на зарождение "формы угнетения", которая ничем не будет напоминать то, что было раньше. Возникает "гигантская охранительная власть, обеспечивающая всех удовольствиями и следящая за судьбой каждого в толпе. Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова. Ее можно было бы сравнить с родительским влиянием, если бы ее задачей, подобно родительской, была подготовка человека к взрослой жизни. Между тем власть эта, напротив, стремится к тому, чтобы сохранить людей в младенческом состоянии; она желала бы, чтобы граждане получали удовольствие и не думали ни о чем другом. ... Отчего бы ей совсем не лишить их беспокойной необходимости мыслить и жить на этом свете?" [10]. "Я сам тщетно ищу определение, которое бы точно выражало идею этого угнетения в том виде, как я ее сформулировал: старые слова "деспотизм" и "тирания" не подходят. Явление это новое, и поэтому его необходимо хотя бы определить, если мы не можем дать ему название" [10].

М. Фуко, рассматривая изменения властных отношений в рамках своей концепции дисциплинарного общества, отмечает, что происходящее возвышение власти, узурпация дисциплинарными механизмами пронизывает все общество и воспроизводится во всех его структурах: не только на фабрике, но и в госпитале, школе, армии и т.д. В связи с этим классический спор о противоречии общества и государства утрачивает прежний смысл, особое значение приобретает не процедурная проблема создания формально-свободных институтов, а формирование реально демократических институтов, стимулирующих свободное развитие самодеятельности людей.

Предельной формой инструментализации механизмов правления правящей элиты становится замена "управления людьми" "управлением вещами" на основе редукции человека к "вещи", что приводит к тоталитаризму. Х. Аренд, обратившая внимание на возникновение тоталитаристских тенденций в странах демократического Запада и коммунистического Востока, видит причины их появления не в "отклонениях" с общего пути модернизации, не в "уникальности" немецкого и русского характера, а в кризисе цивилизации, традиционных институтов демократии. Она отмечает, что "все элементы политического и духовного мира становятся не приспособленными для человеческих целей, происходит подавление "нравственного" "технологическим", в связи с чем люди становятся "излишними" [11].

Либеральное направление изучения процессов социальной модернизации и ставшее преобладающим в западных исследованиях, описывает данные причины в понятиях, нейтральных по отношению к культуре общества и характеризующих реализацию универсальной закономерности. Использование универсальной теории социальной модернизации в рамках транзитологического подхода приводит к построению различных концепций перехода от авторитаризма к демократии на основе анализа тех или иных форм взаимодействия элит и признания "пакта элит" как наиболее предпочтительной

формы существования элит, при которой уменьшается состязательность и конфликт, возникает доминирование особых интересов элит. Возникающие таким образом спонтанные институциональные механизмы рассматриваются как свободные. Сторонники такого подхода не придают особого значения тому обстоятельству, в каком положении оказываются неэлитные группы, как в действительности решаются фундаментальные задачи обеспечения демократии, свободы и социального равенства людей.

Институциональные перемены, происходящие в современных условиях, противоречивым образом связаны с демократией и свободой. Демократичность устройства общества, распределение власти и характер связи элиты с неэлитными группами не могут быть установлены лишь на основе функционального процедурного подхода. Как отмечает Дж. Дьюи, демократия должна рассматриваться как "форма нравственного и духовного общения", как "этическая идея", выражением и органом которой выступают те или иные институты правления [12]. Формально демократические институты, не обладающие связью с духовно-нравственными основами общества, должны подвергаться реформированию.

Традиционный подход акцентирует внимание на то, что человека формирует общество, социальная среда в угодном для себя духе воспитывает его, человек должен приспосабливаться к институтам. Современная парадигма признает важное значение институциональных факторов и тех параметров, которые влияют как на условия, так и на результат совокупного индивидуального действия. Она отрицает преувеличенное представление, согласно которому поведение человека есть лишь следствие социальных причин (как это понимает социальный детерминизм). Распад классической теории в парсоновской и других версиях открыл дорогу для появления разнообразных подходов, их сторонники стремятся подчеркнуть субъективные аспекты поведения людей, выступают против неоправданного социологического детерминизма, преувеличенного представления о власти социальных институтов над поведением личности. Структуралисты, функционалисты, представители теории действия, феменологи, этноменологи, символические интеракционисты, марксисты и неомарксисты выражают направления и школы, в рамках которых проводятся исследования, которые акцентируют внимание на отдельных аспектах деятельности людей, макросоциальных групп, элит.

Жесткий концептуальный синтез классической парадигмы важно заменить синтезом методов гибкой настройки на функционально-ролевую и культурно-историческую специфику исследуемых объектов. При этом следует отказаться от упрощенного представления о народе как пассивной массе, противостоящей тем, кто находится у власти и кто меняет "правила игры" и институты. В социальной реальности складываются разнообразные взгляды и жизненные стили. Современный мир – это мир, который пронизан разногласиями действующих в нем элит и групп, мировоззрения которых различны, а интересы противоположны. Это приводит к сложным взаимодействиям социальных сил и противоречивым изменениям в кластерах экономики, политики и культуры, создавая различные формы взаимодействия элиты и общества.

Различия в подходах к реконструированию социальной реальности, которые возникают у элит и макросоциальных групп в обществе из-за разного положения в социокультурном пространстве, разного понимания форм и методов реализации принципов социальной справедливости и равенства в изменяющихся условиях, обусловливают особенности как поведения и взаимодействия социальных субъектов, так и эволюцию институциональных систем. Как отмечает А. Турен, "вместо того, чтобы описывать механизмы некоей социальной системы, ее интерпретации и дезинтеграции, ее стабильности и изменчивости, социологи должны вернуться от изучения социальных ответов к анализу механизмов самопроизводства общественной жизни. И так как этими механизмами не являются материальные факторы или основы общественной организации, а неравные отношения между действующими лицами, имеющие одни и те же культурные ориентации, то наша роль заключается не в объяснении поведений с помощью обстоятельств, а напротив, в объяснении обстоятельств с помощью действий" [13].

Упрощенное дихотомное восприятие социальной реальности приводит к противостоянию традиций и современности. К настоящему времени опубликовано огромное количество работ социологического, политического, антропологического, экономического и исторического характера, в которых традиции рассматриваются как косная сила, которую следует преодолеть и сломать для обеспечения роста современных структур и укладов. В рамках такого подхода нельзя объяснить особые параметры динамики современных дифференцированных политических и экономических образований, особенности позиций макросоциальных групп общества, их внутреннюю динамичность и влияние на изменение образа поведения элиты.

Возникающие на основе взаимодействия общественных сил социальные перемены приводят к формированию социальной структуры, элементы которой выражают сложную комбинацию культурных традиций и современности. Как писал Ханс-Георг Гадамер, "безусловной противоположности между традицией и разумом не существует ... В действительности традиция всегда является точкой пересечения свободы и истории как таковых. Даже самая подлинная и прочная традиция формируется не просто естественным путем, благодаря способности к самосохранению того, что имеется в наличии, но требует согласия, принятия, заботы. Такое

сохранение есть акт разума, отличающийся, правда, своей незаметностью". Поэтому "сохранение старого является свободной установкой не в меньшей мере, чем переворот и обновление" [14].

В современных условиях взаимосвязь отношения главного и второстепенного часто интерпретируется с точки зрения действия формальных и универсальных законов в контексте отдельных стран и народов. При этом одни черты настоящего признаются главными, другие – второстепенными или несущественными. При построении картины мира, возникающей при движении мысли от культурно-исторического контекста к выявлению общего, главное и второстепенное предлагается устанавливать в зависимости от ситуации, от характера поведения и взаимодействия участников социальных процессов, элитных и неэлитных групп. Конечно, нельзя не учитывать, что социальная эволюция осуществляется не по одной какой-то заданной системе, а имеет многовариантный и уникальный характер. Вместе с тем важно принимать во внимание, что многообразные и сложные взаимодействия стратификационных связей и динамической окружающей среды обуславливают необходимость своевременного разрешения возникающих трудностей исходя из поддержания динамического равновесия всего спектра системообразующих интересов макросоциальных групп общества, осуществления необходимой корректировки вектора изменений культурного и социального порядков.

В настоящее время актуализируются проблемы гуманитарного измерения социального устройства, власти и правления, защиты человека и общества от жестких технологий властвования, формирования возможностей самореализации личности и неэлитных групп в социально-политических процессах. Культурные ориентиры человека должны стать ядром современной парадигмы социальной динамики, основанной на плюралистическом понимании окружающего мира и социальных изменений, осуществляемых элитными и неэлитными группами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996. – С. 192.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М., 1992. – С. 383–384.
3. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация и другие работы. – М., 1991.
4. Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. – М., 1995. – С. 293.
5. Ослунд А. Шоковая терапия в Восточной Европе и России. – М., 1994. – С. 43.
6. Беккер Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. – 1993. – Вып. I. – С. 26.
7. Бюшер М. Этика и методология // Общественные науки и современность. – 1996. – № 2. – С. 135.
8. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
9. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: уровни, факторы и темпы экономического развития // Восток. – 1991. – № 6. – С. 69.
10. Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1992. – С. 496, 497.
11. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996. – С. 459.
12. Дьюи Д. Этика демократии // Полис. – 1994. – № 3. – С. 28, 32.
13. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. – М., 1998. – С. 61.
14. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., 1988. – С. 334–335.

УДК 32